

**Социокультурное прогнозирование динамики России:
микро- и макроуровни**

1. О реальных возможностях развития общества можно судить по характеру, специфике наиболее распространенных, массовых сообществ-ячеек, где протекает реальный воспроизводственный массовый процесс. Правомерна гипотеза, что прогноз динамики большого общества, характеризуемый максимальной вероятностью устойчивого воплощения, следует искать на путях изменений, которые можно ожидать в массовых, наиболее типичных локальных сообществах. Это не исключает возможности прогноза и на основе иных принципов: например, при опоре на анализ возможности реализаций утопий правящей элиты или на анализ воспроизводственных возможностей некоторых социокультурных меньшинств, например, способности групп, склонных к предпринимательству, навязать свою волю большинству. Однако в этих случаях резко усложняется проблема устойчивости прогнозируемого процесса.

Зависимость динамики большого общества от процессов в локальных сообществах в той или иной форме уже привлекала исследователей. П.С.Сорокин писал, например: "Судьба многих наций прошлого свидетельствует, что они в более широком масштабе повторяют судьбу малых социальных групп" *.

Прогнозирование динамики большого общества на основе анализа значимых процессов в локальных сообществах должно опираться на знание специфики государственности большого общества как результата преодоления противоречий между локальными сообществами, например, патриархальными семьями, и между ними и внешними факторами. Становление большого общества в результате изменений в локальных сообществах имеет самое непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме, так как обоснованное прогнозирование динамики большого общества на основе массовых процессов в локальных сообществах имеет смысл, исходя из учета специфики социокультурных механизмов взаимопроникновения, диалога большого общества и локальных сообществ, государства и общества, выяснения того, во что превращаются процессы в одной части общества, проникая в другую. Здесь следует обратить внимание на формирование протогосударства, а затем и государства с его многочисленными атрибутами: институ-

* Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М, 1992. С. 311.

тами власти-собственности, ренты-налога, централизованной реди-стрибуции и др. Для этого процесса характерно "формирование новых социальных слоев, т.е. тех категорий и групп людей, которые призваны были выполнять те или иные социальные функции укрупнявшегося социального организма"*.

Важность этого механизма заключается и в том, что именно через него осуществляется реальное влияние массовых процессов в локальных мирах на большое общество, на государство.

2. Одновременно важнейшее значение имеет анализ типов первичных сообществ. Существование двух типов суперцивилизаций — традиционной и либеральной — означает существование двух основных типов первичных ячеек общества. Специфика ячейки традиционной цивилизации — система ценностей, направленная на воспроизводство на основе некоторого статичного идеала. Специфика ячейки либерального общества — система ценностей, направленная на постоянное развитие, повышение эффективности, повышение потенциалов производственного процесса. Господство первичных ячеек того или иного типа определяет цивилизационный характер общества. Сдвиг в балансе этих первичных ячеек, возможность его прогнозирования открывают возможность и для прогноза динамики большого общества.

3. Констатация традиционного характера основной массы исторически сложившихся первичных ячеек в России для прогнозирования необходима, но недостаточна. Крайне важна их специфика в рамках традиционализма. Исследования показывают глубокую конфликтность русской крестьянской общины, патриархальной семьи — этих массовых локальных сообществ: "Повсеместно царили дух несотрудничества, огульное насилие и равнодушие..**". Жизнь "изобиловала враждой, насилием, мезтью, завистью, страхом и руганью. Патриархальный двор скреплял общество, прибегая к наказанию для того, чтобы заставить крепостных подчиниться..***". "Недоверие, подозрительность и социальный конфликт стали основными чертами и разрушительными моментами жизни крепостных, а насилие было обычным средством разрядки накапливавшейся напряженности****". Исследователи констатируют "широко распространенное неповиновение, неподчинение власти, небрежение в работе, непокорность, лень и хулиганство*****". Важный вывод заключался в том, что "поддержание порядка, по сути, расходилось с необходимостью четкого выполнения производственных заданий*****". Внутри самих локальных сообществ крестьян имели место серьезные конфликты, эксплуатация, насилие и т.д. Между сообществами также преобладали конфликты. "Патриархальный уклад не требовал существенного сотрудничества между главами дворов. Каждый старейшина преследовал собственные интересы, в одиночку воруя, клеветая, дерясь, когда это было необходимо или уместно. Это позволяет объяснить сильные трения между отдель-

* Васильев Л.С. История Востока. М., 1993. Т. 1. С. 216.

** Хок Л.С. Крепостное право и социальный контроль в России. М., 1993. С. 160.

*** Там же. С. 174.

**** Там же. С. 163.

***** Там же с 162

***** Там же. С. 169.

ными дворами..".*. Важны, однако, не сами эти конфликты, а их влияние на общество. В XIX в. насилие считалось приемлемой формой разрешения деревенских конфликтов во Франции, Германии, Англии. Крайне важно, что власти в этих странах мирились с такими конфликтами, т.е. не считали их существование опасными для себя, для государственности, для сложившихся порядков и рассматривали их, скорее, как элемент этих порядков. Однако в России дело обстояло иначе. Здесь власть "не мирилась с насилием, так как оно сказывалось на эффективности хозяйственного порядка, а также несло в себе потенциал глубоких социальных беспорядков". Это означало, что рассматриваемое сообщество "не было саморегулирующейся общностью, и для ограничения насилия применялось насилие"**. Иначе говоря, в России власть чувствовала опасность в массовом насилии, органическое несоответствие насилия, свойственного крестьянскому поведению, своим властным функциям, в конечном итоге — государственности как таковой.

Чем можно объяснить эту специфику? Видимо, существенным отличием в механизмах перехода от локальных миров к большому обществу. На Западе этот механизм создавал уверенность в независимости государственности от внутрикрестьянских конфликтов. Во всяком случае, они не вызывали повышенной озабоченности в государственном аппарате, что, в свою очередь, означало, что судьба государства не зависела от этих конфликтов. В России же государство вмешивалось в эти конфликты и было их повседневным участником. Это было свидетельством зависимости государства, большого общества от массовых конфликтов на микроуровне.

4. Причина этого различия заключалась в незрелости, неорганичности исторически сложившегося перехода от локального сообщества к большому обществу. Россия как общество, расколотое в каждой своей точке между двумя основными суперцивилизациями, включала в себя раскол между большим обществом и локальными мирами, между обществом и государством. Это означало, что массовые процессы в локальных мирах могли повседневно противостоять большому обществу, встречать активное сопротивление со стороны государства. Но это вместе с тем означало, что подобные массовые процессы могут сокрушить сами основы государства одним только фактом продолжения, расширения своей конфронтационной деятельности.

5. Государство в России сформировалось не через образование племен протогосударственного типа. Впрочем, некоторые историки полагают, что все это имело место у славян еще задолго до Киевской Руси. Тем не менее история восточных славян, начиная с Киевской Руси, знает формирование государственности на совершенно иной основе. Возникшая государственность разрушала племена, их союзы и видела свою главную задачу в собирании с них дани. Это в конечном итоге сформировало государство, существенно отличное от западного, которое органически выросло из локальных форм общества. В нашей истории люди постоянно стремились уходить из-под власти государства, на что последнее пыталось ответить, культивируя жесткие структуры, основанные на прикреплении

* Хок Л.С. Крепостное право и социальный контроль в России. М., 1993. С. 175.

** Там же. С. 164

людей к их функциям, пытаясь соединить интересы людей с крепостническими формами жизни. Одним из результатов этого было постоянное участие государства в конфликтах на всех уровнях, включая самый нижний, что само по себе стимулировало постоянное воспроизводство антигосударственных и догосударственных ценностей в массовых масштабах. В кризисной ситуации это могло иметь разрушительные последствия для большого общества, для государства.

6. В принципе можно построить ретроспективный прогноз динамики российского общества на основе анализа конфликтов до 1861 г. В этой ситуации ослабление функций государства могло означать, что мощная конфликтность внутри сельских миров и между ними была способна мощным потоком захлестнуть большое общество и при определенных условиях привести к господству локальных догосударственных сил, краху государственности, большого общества. Обоснованность такого прогноза можно подтвердить указанием на факты нараставшего в результате реформ Александра II ослабления государственной власти. Причем сначала государственная власть стала терять контроль над сельскими локальными мирами, а затем и над повседневным образом жизни сельского жителя.

Постепенно усилился рост локализма, архаичных форм общинной жизни, нарастал массовый нравственный распад, хулиганство, отпадение от форм государственной жизни, религии. Возрастало негативное отношение к труду, о чем много писалось до первой мировой войны. Этот процесс, отягощенный непосильными тяготами войны, завершился катастрофическим крахом государства, попыткой подменить его системой управления локального типа, получившей название власти советов. По сути, это представляло собой попытку вернуться к архаичным догосударственным формам власти. Возможность такого хода событий была заложена в расколе между обществом и государством, между локальными мирами и большим обществом, что делало государство и большое общество уязвимыми в результате давления мощной архаичной активности локальных миров, человека, противопоставляющего себя государству и всему миру, лежащему за границами его огорода.

7. Россия является страной, "застрявшей" между двумя основными суперцивилизациями, страной, где господство традиционализма оказалось подорванным, но при этом общество не превратилось в либеральное, ячейка либерального общества не стала господствующей. Это существенно усложняет прогнозирование социокультурной динамики России, вводя в него элемент суперцивилизационной неустойчивости, неопределенности, расколотости.

8. Современный этап несет в себе значительное советское наследие, для которого характерно стремление решать некоторые задачи либерального общества — прежде всего встать на путь роста и развития в хозяйственной сфере, но посредством использования, сохранения исторически сложившихся ячеек традиционного общества. Сама возможность проведения такой политики в значительных масштабах опиралась на исторически сложившееся повседневное вмешательство власти в конфликты на микроуровне (превратившееся в попытку установления государственной монополии на

все конфликты). В результате для советской системы оказались характерными гибридные неорганические первичные ячейки, создавшие своеобразный базис для политического двоевластия партии и советов. Советская идеология представляла собой дуалистический, манихейский, по сути, гибрид традиционализма, с присущим ему локализмом, и усеченного либерализма. Либеральные ценности, прежде всего наука и техника, использовались в ней в качестве средств. Эта суперцивилизационная гибридность характеризуется тем, что в одном и том же сообществе можно обнаружить как нацеленность на сохранение исторически сложившихся архаичных ячеек, так и стремление их развивать, повышать эффективность функционирования; как стремление укреплять коллективизм, подавляющий личность, так и стремление к индивидуализму, разрушающему коллективизм. Именно эта расколота ячейка должна стать в центр прогнозирования дальнейшего развития общества.

9. В основе расколота гибридной локальной ячейки (например, предприятия, учреждения, общественной организации и т.д.) непосредственно лежит раскол между наращиванием потребности в благах, главным образом материальных, что идет от роста утилитаризма*, а также от ценностей либеральной цивилизации, с одной стороны, и отставанием роста потребностей в формировании, освоении видов воспроизводства, труда, адекватных потребностям в соответствующих благах, — с другой. Общество, не научившись решать задачи производства, встало на путь совершенствования потребления. Традиционализм, подвергавшийся медленно нарастающему нажиму утилитаризма, поддавался, но весьма односторонне. Он отступал от своего классического запрета на рост потребностей, их разнообразия и количества, но оказывался значительно более стоек по отношению к росту потребностей в формировании, освоении соответствующих видов воспроизводства, труда. Хотя и здесь не было полного застоя, тем не менее рост этих потребностей был фундаментально недостаточен. В результате сложилась деструктивная форма раскола, возникла патологическая ситуация, когда острое возрастание как массовых, так и государственных потребностей толкало общество к утопической цели повысить хозяйственный потенциал, активизируя, мобилизуя, организуя архаичные формы хозяйства. Точнее, пытаюсь соединить их, срастить с элементами либеральной экономики, используя при этом как архаичные авторитарно-крепостнические тоталитарные формы насилия, так и достижения либеральных обществ в качестве средств.

Для российской ячейки, следовательно, оказался характерным внутренний раскол между двумя фундаментальными видами потребностей, что выразилось, в частности, в форме раскола между политикой внеэкономического принуждения и политикой экономического стимулирования. Противостоящие друг другу потребности разрушали друг друга, повышая общую дезорганизацию. Этот раскол внутри первичной ячейки общества означал вместе с тем и сохранение раскола между обществом и государством, большим обществом и локальными мирами, так как государство, представляя перед локальным миром, большим обществом, повседневно

* См.: *Ахиезер А.С.* Динамика нравственности как основа прогноза. — В кн.: Куда идет Россия. М., 1994. Вып. I.

вмешивалось в процессы в каждой ячейке общества, пытаясь соединить несоединимые элементы двух различных цивилизаций. Само по себе это означало сохранение в новых формах старых проблем, что и привело к новому краху теперь уже советской государственности, попыткам перестроить ее на либерально-демократической основе. Люди оттолкнули от себя это государство, которое сделало насилие в повседневной жизни человека своей всеобщей функцией. Волна, поднимавшаяся из глубин локальных миров, на этот раз была менее агрессивна, но тем не менее несомое ею стремление к локализму, к приватизации всех форм жизни означало отказ от воспроизводства государства, большого общества в форме СССР.

10. На основе этой методологии современное прогнозирование трехременное выявления специфики основных локальных миров, специфики их раскола, раскола между обществом и государством, между локальными мирами и большим обществом, в частности, нуждается в определении реальных масштабов и глубины осознания ценности государства как такового. Сегодня наблюдается крайне низкое массовое осознание ценности государства, что выражается в незрелости электората, преобладании в нем чисто эмоционального отношения к выборам, ненависти к государству, глубина и масштабы которой производят впечатление фактора, подлежащего медицинскому анализу. Нуждается в анализе соотношение, динамика противоположностей всех расколотых элементов общества, тяготеющих к традиционализму и к либерализму; соотношение господства натуральных и товарно-денежных отношений, господства монополий на дефицит и рынка. Важной предпосылкой прогнозирования является знание механизмов превращения массовых процессов на локальном уровне в процессы большого общества, в значимый фактор существования государственности.

Специальному исследованию должна подвергнуться судьба циклов в России, результаты мощных попыток уйти от циклов, придать им новое содержание, в частности, стремление уйти от советского прошлого к абстрактной, т.е. неясной, неустойчивой противоположности.

Особое внимание должно быть уделено возможности массовых нравственных сдвигов в обществе как реакции на современный нравственный упадок, на существенное усложнение проблем воспроизводства. В частности, должна быть определена мера в этом процессе разных форм утилитаризма.

Возрастающим по важности предметом прогнозирования в усложняющейся ситуации является способность к росту эффективности принимаемых решений на всех уровнях — от массовых хозяйственных до важнейших решений высшей власти. В конечном итоге предметом прогнозирования должны быть потенциальные способности современного российского общества разрешить на качественно новом уровне исторически сложившиеся проблемы расколотой страны, встать на путь преодоления раскола.